

АН СССР

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ТРАДИЦИОННОЙ
ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДОВ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ**

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ТРАДИЦИОННОЙ
ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДОВ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Выпуск 1

МОСКВА 1990

- 50 Штейнберг Е. Л. Указ. соч. С. 15.
- 51 Гродеков Н. И. Указ. соч. С. 46.
- 52 Маслов А. Н. Указ. соч. С. 376.
- 53 Амударьинский отдел // Туркест. ведомости. 1876. № 10 С. 37.
- 54 Хазанов А. М. 1) Характерные черты ... С. 11;
2) Очерки военного дела сарматов, М., 1971. С. 65.
- 55 Штейнберг Е. Л. Указ. соч. С. 22.
- 56 Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения. С. 45.
- 57 Маслов А. Н. Указ. соч. С. 400.
- 58 Лессар П. М. Указ. соч. С. 54.
- 59 Оразов А. Указ. соч. С. 80; Нурмухамедов К. Промысловое хозяйство туркмен в конце XIX-начале XX в. // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX-начала XX в. Ашхабад, 1982. С. 120.
- 60 König W. Op. cit. S. 41-43.
- 61 Копия с записки главнокомандующего Кавказской армией // Россия и Туркмения в XIX в. Ашхабад, 1946. С. 102.
- 62 См., напр.: Язлыев Ч. Указ. соч. С. 34;
Оразов А. Указ. соч. С. 81.
- 63 König W. Op. cit. S. 86.
- 64 Оразов А. Указ. соч. С. 80.
- 65 König W. Op. cit. S. 129.
- 66 Язлыев Ч. Указ. соч. С. 45.
- 67 Костин Г. Из жизни кочевий Мертвого округа // Туркменоведение. 1927. № 4. С. 52.
- 68 Дурдыев М. Б. Общественные институты у туркмен Ахала в конце XIX-начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. С. 7.
- 69 Домудский С. Н. О пережитках родового быта скотоводов Западной Туркмении в XIX в. // СЭ. 1962. № 4. С. 48.
- 70 Ломакин А. Обычное право туркмен. Ашхабад, 1897.
- 71 Оразов А. Указ. соч. С. 102.

72 König W. Op. cit. S. 108.

73 Маслов А. Н. Указ. соч. С. 401.

74 Гиршфельд. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1902. Ч. 2. С. 68.

75 Вамбери А. Путешествие ... С. 266.

76 Хазанов А. М. Характерные черты ... С. 4.

Р. Р. Рахимов

СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ

В ТРАДИЦИОННЫХ "МУЖСКИХ ДОМАХ" У ТАДЖИКОВ

Наше внимание сосредоточено на традиционной для этнографии народов Средней Азии теме — их "мужских домов" (мужских объединениях). Этнографы, в разное время писавшие о них, а также народная лексика у таджиков дают этим домам следующие названия: аловхона, что значит "дом огня" и мехмонхона — "дом для приема гостей". Дома огня были характерны для горных таджиков, в то время как мехмонхона отражала преимущественно особенности культуры народов среднеазиатской равнины.

Институт мужских объединений для совместных обедов, плясок, общественной взаимопомощи и т.д. уже к началу 50-х годов нашего века прекратил свое существование. Тем не менее интерес к нему не ослабевает. Это происходит потому, что в научной разработке данной проблемы еще существуют "белые пятна", ряд явлений в деятельности этого общественного учреждения еще до конца не осмыслен.

В данной работе интересующий нас социальный институт у таджиков северных районов Таджикской ССР рассматривается под углом зрения его возможной связи с пережитками военной орга-

низации. К сожалению, военное дело, его история и организация в Средней Азии изучены недостаточно. У нас нет сколько-нибудь надежных источников по вопросу военной организации даже позднефеодального периода, если не считать таких работ, как, например, статьи В.Л.Вяткина¹ и А.Л.Троицкой.² Вопрос о связи мужских объединений с институтом дружинников рассматривался Г.П.Снесаревым.³ Привлекаемые для нашей цели свидетельства призваны в известной мере дополнить сопоставления Снесарева. Собственно, эта статья и написана в направлении, намеченном им.

В самом деле, в характере функционирования мужских объединений обнаруживаются явления, которые становятся более или менее понятными, если их связать с институтом дружинников. Проследим эти явления.

При более пристальном внимании к функционированию "домов для мужчин" у таджиков интересующих нас районов приходило к мысли о том, что эти мужские объединения для разновозрастных людей были в то же время исключительно "домами холостяков", их жилищем.

Как правило, после того как мужчины съедали поданный плов и выпивали несколько чайников чая, женатые по одному, по двое начинали расходиться, а неженатые оставались в "мужском доме". Попировав еще несколько часов, юноши укладывались спать. Обычно в это время кто-нибудь из них, слышавший "за хорошего сказочника, начинал рассказывать длинную сказку, время от времени делая паузу и спрашивая: «Спите?». Если кто-либо откликнулся, он продолжал сказку дальше. Так повторялось несколько раз, и когда рассказчик уже не получал ответа на свой вопрос, он замолкал".⁴ Г.П.Снесарев заметил, что, когда помещение "мужского дома" освобождалось от женатых, юноши по обычаю оставались ночевать тут".⁵ Этот момент довольно красочно описан таджикским писателем Б.Азизи, по-видимому, на ура-тинском материале. Он рассказывает, что трапеза давно кончилась, а "Дзамол Додхо не двигался с места. Он все сидел и приказывал каждому из юношей то чай заваривать, то кальян заглаживать. В конце концов юношам это надоело, и они решили во

что бы то ни стало избавиться от Додхо. Один из них сказал: «Дядя Додхо, Вам не кажется, что Вашей жене страшно дома одной? Вы все сидите...». Кто-то другой: Может быть, жена Вас выгнала из дома? Если Вы считаете, что на улице темно, мы проводим Вас до дома». ⁶ Так, выжив женатых мужчин, неженатая молодежь продолжала находиться в "мужском доме", распоряжаясь им как своей собственностью. В этом наши информаторы были единодушны почти повсюду.

У таджиков, кроме того, были известны мужские обеды субто холостой молодежи; на подобные обеды женатые мужчины не допускались. О сообществах холостой молодежи, собиравшейся периодически на свои обеды, вспоминали старожилы кишлака Чорку (окрестность г.Иофары), окрестностей Ленинабада и Ура-Тюбе. В Калачаи Калон (окрестность г. Ура-Тюбе) наши собеседники сообщили, что там существовало правило, по которому в группу сотрапезников (г а п) принимали юношей с 12-15-летнего возраста. Рассказчики вспомнили, что при благоприятных условиях группинга в этом селении формировались через каждые 6-7 лет. Таким образом, мужчины в нем объединялись в семь-восемь групп сотовариществ. Каждая группа, как правило, отставала от другой примерно на 6-7 лет. Мужчины на свои собрания ходили регулярно один раз в неделю - в вечер на субботу; так что в этот вечер в домах оставались только женщины и мальчики до 12 лет, а мужчины, включая холостую молодежь, до поздней ночи находились в мехмонхона в обществе своих сверстников. Из дальнейшего рассказа стариков видно, что холостая молодежь Калачаи Калон, задумав совместные обеды, на средства родителей своими силами строила мехмонхона, а затем в рамках единого коллектива пребывала в ней до глубокой старости, когда из прежнего состава оставалось всего несколько человек.

Сходные данные отмечены у таджиков долины Хуф,⁷ а также в Кулябской области.⁸ Весьма любопытен в этом отношении рассказ С.Айни, который пишет, что в Бухаре часто происходили... дружеские пирушки. Их устраивала в складчину молодежь одного квартала и деревенская молодежь, жившая в окрестностях Бухары. Дружеские пирушки были принято называть по имени того ли-

па, в чьем доме они происходили".⁹

Функционирование одной из форм общества подростков в общественном "мужском доме" — х у д ж р а, игравшей некогда значительную роль в афганской деревне, зафиксировано нами в восточных районах Республики Афганистан. Там в этом помещении стояли деревянные кровати (ч а п а р к а т), на которых спали подростки 12–15 лет.¹⁰ В Хорезме также "один и тот же состав сохранялся из года в год, и часто сверстники, юношами начавшие шумную жизнь в молодежных зияфатах, и в преклонном возрасте, уже почтенными старцами, были объединены в рамках одного зияфата".¹¹

Существование некогда "домов холостяков" у таджиков, по-видимому, не вызывает сомнения. Данные традиционного быта подтверждают это. Они говорят о том, что общество сохраняло признаки частичной сегрегации мальчиков-подростков. Считалось (это соблюдается и в наши дни) неприличным взрослым детям спать в одном помещении с родителями, а в домах основной части сельских семей часто имелась всего одна жилая комната.

Вследствие этого мальчики, например, хотя жили и питались с родителями, но с наступлением ночного времени вынуждены были искать себе другое помещение для ночлега. В богатых семьях им отводилась отдельная комната. Бедные же семьи были лишены такой возможности. Тогда мальчики-подростки из этих семей на ночь уходили если не к дедам и бабкам (к более состоятельным родственникам, иногда к соседям), то в народный "мужской дом", где спали со своими сверстниками. Этот момент, на наш взгляд, и выжал когда-то к жизни "дома холостяков" с определенными общественными функциями.

Так общество сверстников, сформировавшееся еще в результате совместных игр, из двора частного дома, с улицы, поляны, склона горы, постепенно перемещалось в "мужской дом", выросший, как видно из приведенных данных, на фундаменте "дома холостяков" и функционировавший на уровне неженатой молодежи начиная с 12–15-летнего возраста; по шариату, 12 лет для мальчиков является началом гражданского совершеннолетия.¹²

Г.П.Снесарев заметил, что в устном сказании узбеков и казахов

царевичу Санаубару, когда ему исполнилось 12 лет, отец поручил заняться военными делами, начать учиться военному искусству.¹³

Из анализа приведенных данных вытекает, что "мужские дома" у таджиков выросли на базе "домов холостяков". Дело в том, что исследователи застали этот общественный институт на том этапе исторического развития, когда он, эволюционируя, из "дома холостяков" постепенно превращался в "мужские дома" для людей разного возраста. Вследствие этого у некоторых исследователей сложилось впечатление о них как о неоднородных по возрастному составу союзах. Это характерно в основном для авторов, которые считали "мужские дома" узко локальным явлением и поэтому не подходили к ним как к социальному институту.

Рассматриваемые нами "мужские дома" даже на последнем этапе своего существования не утратили свою связь с элементами половозрастной стратификации общества. Наиболее ярким проявлением этой особенности "мужских союзов" является применявшийся членами при обращении друг к другу термин д ж у р а — "друг", "товарищ", "компаньон", в ряде случаев идентичный понятию "мужской дом". По-видимому, первоначально этим термином обозначались члены однородных по возрастному признаку объединений неженатой молодежи. Можно также предположить, что связь мужских объединений с возрастным членением отражала первоначальную социальную половозрастную стратификацию, существовавшую, вероятно, и у предков таджиков, что с более ранними формами интересующих нас организаций, видимо, был связан весь комплекс хозяйственной, в том числе военной, деятельности изучаемого народа на основе горизонтального членения людей по половозрастному признаку.

Г.П.Снесарев отмечает, что военизированная окраска характерна именно для молодежных объединений.¹⁴ "Молодежные подразделения мужских союзов, — по мнению этого автора, — умирали медленно именно в силу своей специфической военной функции".¹⁵ Рассматривая "мужские дома" как прототипы военных отрядов молодежи, Снесарев подчеркивает, что данная форма молодежных объединений, наиболее развитая и самостоятель-

ная, генетически восходит к тем первичным военным отрядам ... которые выкристаллизовались из мужских союзов".¹⁶ Любопытно в этой связи количественная характеристика участников мужских объединений.

В рассказах о "мужских домах" сколько-нибудь однозначной количественной характеристики их членов не давалось. В преданиях старожилы назывались числа 10-15, иногда 7-10; упоминались также числа 20, 20-25, 20-30 или 25-30. В этом же контексте рассказчики называли 30-40 человек, приходилось слышать и о 40, 40-50.

На первый взгляд, подобная численная пестрота для выражения количественной характеристики членов мужских объединений как будто ничего не объясняет. Возможно, в данном случае мы имеем дело с нестабильностью традиции, что для позднего периода существования "мужских домов" вполне вероятно. Однако рассказчики сходились на том, что числа 7, 10, 15 были характерны для групп преимущественно старшего поколения, а юношеские сообщества обычно объединяли значительно большее количество людей. Отсюда следует, что численность "мужских домов" была тесно связана с возрастным составом их членов. Вспомним в этой связи, что, вступая в юношеском возрасте в ту или иную организацию, люди оставались в ней до преклонного возраста. Поэтому число участников мужских объединений на протяжении всего периода их существования не могло оставаться неизменным, ибо в те времена, рассказывали собеседники, не каждому удавалось сохранять достаточную физическую силу до 60 лет. Смерть иногда уносила людей в значительно более раннем возрасте. Впрочем, вот сообщение, полученное нами в том же кишлаке Калачаи Калон: "У нас в гузаре (квартиле. - Р.Р.) Сойча была мехмонхона, которая называлась м е х м о н х о н а и 40 д ж у р а х о , т.е. мехмонхона 40 джура. Она получила свое название оттого, что при основании в ней было 40 джура". К концу своего существования, т.е. примерно через 35-40 лет, в этой мехмонхоне из прежнего состава оставалось всего 7-8 человек, которые вскоре перестали посещать ее.

Эти данные свидетельствуют о том, что численный состав

членов мужских объединений был обратно пропорционален возрастному их составу: чем моложе джура, тем многочисленнее группа, и наоборот, чем старше по возрасту участники обедов, тем малочисленнее их состав. Этим, как можно думать, объясняется то обстоятельство, что, рассказывая о "мужских домах" у таджиков, старожилы порой не могли сразу назвать более определенное число их участников. Ясно одно: молодежные собрания, как правило, были значительно более многочисленными, чем обеды зрелых мужчин или стариков.

Вообще в формировании гапа (или гаштака) наблюдалась некоторая тенденция приближать число вновь создававшихся молодых групп к 40. На это обстоятельство обратил внимание Г.П.Снесарев. Примером может служить упомянутая выше мехмонхона 40 джура в Калачаи Калон. В селении Пангаз, когда мы записывали сведения, относящиеся к играм и развлечениям местного населения, пожилой рассказчик вспомнил: "Однажды двое парней из нашего Бурака (одно из окрестных мест Пангаза. - Р.Р.) подобрали участникам гапа в кишлаке Суджа «снежное письмо». Джура из кишлака Суджа проиграла, и тогда они устроили (за проигрыш) угощение для всех наших 40 парней". В Пангазе число 40 упоминалось в отношении мехмонхона, принадлежавшей тогда некому Бобо Хошиму. В молодежных обществах было 40 джура - эти слова нам приходилось слышать в окрестностях Чустского района Ферганской области (кишлак Гова), на Зеравшане (Урметан), кое-где в Гиссарской долине (Рамит) и в других местах.

Из бесед с осведомленными людьми складывается впечатление, что число 40 для юношеских объединений было неким эталоном и, возможно, когда-то имело конкретное значение. Г.П.Снесарев отмечает, что у узбеков-барласов селения Суджина (Пенджикентский район) в каждой мехмонхоне собиралось 30-40 человек.¹⁷ У тирок-кальтатаев в гаштаках объединялось до 40 человек (кишлак Усмаат, Булунгурский район). Число 40 по отношению к участникам мужских обедов Снесаревым зафиксировано у узбеков долины р.Санзар.¹⁸ Весьма любопытно сообщение этого автора о том, что у узбеков селения Булунгур старики помнят старое название того помещения, которое специально

строили для своих собраний молодые люди. Оно называлось ч и л т а н х о н а - "помещение для 40 душ" (ср. "мехмон-хона 40 джурахо", о чем было сказано выше). По свидетельству Снесарева, это помещение называлось так потому, что собираться здесь могли 40 джура.¹⁹ И для киргизских мужских "сборищ" было характерно сократительное число 40.²⁰

Число 40 джура присутствует также в фольклоре таджиков. Среди жителей г.Ура-Тюбе популярен рассказ о ч и л д ж у - р а ("40 джура"), скрывавшихся во главе со своим предводителем (м и р) в пещере. Чил джура в народе представляются неженатыми юношами, искусными наездниками. Живя в горной пещере (г о р) за счет ночных набегов и грабежей, чил джура первыми встречали неприятеля, преграждая ему путь: 40 друзей сражались не щадя сил. При этом число 40 для выражения количественной характеристики джура никогда не изменялось. Потери в составе чил джура восполнялись за счет юношей, тайно уводимых ими в пещеру. Чил джура скрывали свою принадлежность к этому тайному обществу.

Этот рассказ уратуйбинцев привлекает к себе внимание по многим причинам. Не заходя слишком далеко, отметим лишь, что в нем чил джура выступают как неженатые юноши и мыслятся как воины, могущие сражаться в конном строю. Чил джура в этом предании предстают перед нами как слаженная дружина из 40 конных ратников во главе со своим предводителем. Вспомним в этой связи своеобразное верование таджиков в "40 скрытых душ" (ч и л т а н). Важно отметить, что чилтаны, так же как и чил джура, мыслятся воинами.

Число 40 по отношению к людям, составляющим воинскую дружину, фигурирует и в устной поэтической традиции народа. Прямые указания на это имеются в эпосе "Гурутли". Там мы узнаем, что, когда Хорасан пошел войной на сказочную страну Чамбул, султан этой страны Гурутли послал в бой с хорасанцами своего сына Авазхана. И вот его дружина помчалась по раздолью степей:

Построившись в цепь: впереди Ахмедхан,
За ним его преданный друг Юсуфхан,

С ним 40 джигитов, старинных друзей,
За ним на славном коне Авазхан.²¹

Уместно вспомнить свиту героя киргизского эпоса - богатыря Манаса. С.М.Абрамзон отметил, что дружина Манаса (к и р к д ж о р о - "40 друзей") состоит из сверстников героя.²² Царевича Санау-бар, о котором было сказано выше, также окружают 40 сверстников-пажей,²³ в каракалпакской поэме "Кырк кыз" дружина Гулаим состоит из 40 девушек-воинов.

Сходные сюжеты весьма популярны у народов Востока (ср. "Али-Баба и 40 разбойников"; последние - отряд всадников, одетых в панцири и кольчуги; к седлам привязаны копыя, а на поясах сверкают длинные острые мечи. Отряд, который живет в пещере с сокровищами, возглавляет одноглазый человек с черной бородой).

Как видно, эпос наряду с фольклором ярче всего объясняет нам то, почему число 40 было принято в качестве эталона и при формировании "мужских домов". Нам кажется, что 40 джура в "мужском доме" и 40 друзей - пеших или конных ратников в эпосе (фольклоре) представляют собой звено одного и того же явления. В обоих случаях перед нами - слаженная дружина, сопровождаемая предводителем. Это подтверждается данными научной литературы. "Молодежная группа сверстников, - пишет Г.П. Снесарев, - вышедшая со своим руководителем из недр мужского союза, была той основой, на которой развивался принцип «дружины»".²⁴

Теперь остановимся на одном из существенных моментов, относящемся к принципам формирования мужских объединений. Речь идет о выборе участниками этих обществ людей, принадлежащих к категории м а н с а б д о р (букв. "должность имеющие лица"), т.е. поговорим о тинах и рангах института "мужских домов". Джура выбирали эти "властные фигуры" из своей среды.

Вопрос внутреннего самоуправления "мужских домов", при-
сущий им аппарат власти, в котором штаты заполнялись группой людей, составлявших руководящую верхушку изучаемых "домов", уже привлекал внимание специалистов по этнографии народов Средней Азии.²⁵

Равнинные "мужские дома" имели своего руководителя; он считался "начальником" джура. Им становился обычно наиболее авторитетный член "мужского дома", который обладал деловыми качествами, хорошо знал социальные и культурные ценности, традиционные нормы организации и проведения собраний. В расчет принимались его начитанность, общительность, обеспеченность жизненными средствами, хорошие манеры в обращении и т. п. Там, где мужские объединения обозначались термином "гап", (Ферганская долина), такой руководитель назывался джура-боши - букв. "глава, руководитель, начальник джура". В кругах мужских организаций, именовавшихся гаштак (долина р. Зеравшан), руководитель назывался эшони бошо - букв. "дед ишан". Возможны были и другие наименования по отношению к этой фигуре.

Руководителями джура почти всегда становились хозяева тех помещений, в которых проводились собрания мужских сообществ. Хозяин помещения обеспечивал гап (гаштак) необходимым инвентарем - паласами, кошками, стегаными матрасами, посудой (кипятильниками, чайниками, пиалами, всевозможными чашами для супа и плова, другой кухонной утварью). Уже этот факт сразу подчеркивает определенную социальную значимость руководителя, его материальную обеспеченность, так как тогда не каждый мог позволить себе средства на строительство дорогостоящей мехмонхона и ее оборудование под "мужской дом". В рассматриваемое время создание мехмонхона в мужской половине частного дома-усадыб являлось привилегией лишь зажиточных семей. Поскольку идея формирования общества, как правило, исходила от владельца мехмонхона, то он и становился руководителем товарищества, а это безусловно еще больше укрепляло его позиции в обществе, поднимало авторитет, что давало ему возможность полнее подчинить себе остальных участников товарищества, обеспечить свое главенствующее положение, навязывая им в известной степени свою волю при решении тех или иных вопросов общественного характера.

Руководитель "мужского дома" пользовался, таким образом, привилегией "распорядителя и блюстителя порядка"²⁶ на собра-

ниях мужчин. Обычно он первым начинал трапезу, в молодежных компаниях принимал первую чашу с вином, поддерживал и направлял ход беседы, назначал очередность угощений, возглавлял все выступления джура, высказывал свое мнение по поводу достоинств того или иного угощения. Он давал соответствующую оценку действиям, взглядам и поступкам товарищей, мог одобрить или неодобрить результат деятельности джура. Джурабоши (эшони бошо) ведал всеми делами, забавами, распорядком, наложением наказаний. Перед ним отчитывались во всем, вплоть до расходов на угощение джура, сведений о качестве и количестве приобретенных продуктов. В отсутствие начальника помещения никто из участников собраний не имел права занимать его место даже на время (связано с известным риском быть наказанным). О силе власти руководителя обедов свидетельствует тот факт, что собравшиеся на очередной гап (гаштак) обязаны были, сидя за дастарханом (род скатерти с угощениями), неукоснительно соблюдать ту позу, в которой в каждый данный момент находился их начальник.

В "мужском доме" можно было наблюдать довольно оригинальную структуру: руководящие должности занимали представители небольшой группы лиц. В кишлаке Пангаз существовали следующие должности: джурабоши, два его заместителя - визирь правой руки (вазир дасти рост) и визирь левой руки (вазир дасти чап), судья (кази или кози), церемониймейстер (яоавул), кравчий (соки), заведующий общей казной (хазиначи) и повар (ошпаз, бакавул); последний мог быть нештатным, поскольку часто эту роль выполнял тот, кто, согласно очередности, должен был дать обед в честь джура, либо кто-нибудь из его друзей или родственников.

Заместители джурабоши - визирь правой и левой руки - во время пира усаживались по обе стороны начальника, соответственно справа и слева от него. Нужно иметь в виду, что на пиршестве все джура разбивались как бы на две партии. Джура, располагавшиеся справа от джурабоши, относились соответственно к визирю правой руки и подчинялись ему; они назывались фу-

карой вазир даста рост - "подданные (воины) визиря правой руки". Люди же противоположной стороны составляли фукарой вазир даста чап.

Судья, которого назначал джурaboши, выполнял его повеления в отношении провинившихся членов товариществ. Выполнение кази своих обязанностей было тесно связано еще с одним персонажем - ясавулом. Последний по поручению кази осуществлял различные карательные функции. Основное же дело ясавула - проведение в должном порядке церемонии пишества. Его обычное место находилось у выхода из помещения (п о й г а), главным атрибутом было оружие - дубинка (к а л т а к), представлявшая собой небольшую деревянную палку из дерева твердой породы, обычно из абрикоса, длиной 5-6 пядей.

Пока начальник находился в помещении, ясавул, этот обычно остроумный, веселый, всюду поспевающий человек, держа палку в правой руке, условными мановениями отдавал нужное распоряжение или делал предупреждение (например, о необходимости занимать ту или иную позу). Вызывая людей на песню или танец, ясавул подавал различные знаки при помощи своей палки, ели он угрожал людям, которые пытались отказаться от участия в танце или от исполнения песни. Когда руководитель отсутствовал, ясавул затыкал сзади калтак под ворот халата. В этой же позе он прислуживал джура, подавал им чай, приносил воду, давал каждому умывальник для мытья рук, поливал им, докладывал джурaboши о положении дел на кухне (о ходе варки пищи). Необходимость таких навыков, как умение танцевать и петь при выборе ясавула, обуславливалась тем, что обычно он выступал в роли запевалы или затейщика танцев, приглашая к этому по очереди и всех остальных. В танцах и песнях участвовали все джура, кроме должностных лиц - начальника, визирей, кози и др.

Особняком стояло в группе еще одно лицо - заведующий общей казной (х а з и н а ч и). У него находились общие деньги, он ведал запасами продуктов. О состоянии казны (излишках или недостатках) казначии отчитывался перед джурaboши. В расходах ему подчинялся очередной устроитель угощения, а также повар,

которому казначей отпускал продукты для приготовления горячей пищи (супа, плова).

Как показывает сопоставление рассказов собеседников, в подавляющем большинстве мест структура аппарата власти мужских объединений к концу 30-х годов XX в. была в значительной мере разрушена. Наиболее стойко сохранялись должности начальника, визирей (иногда один визирь), казначей (иногда он назывался "мубошир"), кравчего, повара.

Из целого ряда свидетельств видно, что аналогичная организационная структура в описываемых мужских объединениях была характерна не только для севера Таджикистана, но и для других районов Средней Азии. Как показал М.С. Андреев, во главе мужских организаций долины р.Хуф стоял правитель (х о к и м), у него был наместник (н о и б). По иерархической лестнице за ними шли аксакал (о с а к о л), арбоб, кази, ясавул, а также низшие чины - подающие кальян (ч и л и м д о р), подноситель воды (с а к о у) и н у к а р (н а у к а р).²⁷ К хуфским объединениям весьма близки были хорезмские зифаты, "во главе руководства которых мы находим единого правителя - агабия, окруженного помощниками - йигит-агасы, мирзабаша, аксакалом, ясавулом и прочими персонажами".²⁸ Г.П.Снесарев, ссылаясь на данные Б.Х.Кармышевой, указывает, что у таджиков Нуратинских гор во главе руководства кроме эшони бобо стояли еще кушбети, раис, йигит-агасы, ясавул, миргазаб (палач) и др.²⁹ М.Ф.Гаврилов также обратил внимание на то, что молодежное объединение (ш е р д а) у узбеков (Кырк менуз, кишлак Шахристан) избирало из числа своих членов одного председателя (б и м), двух аталыков (правого и левого), одного начальника помещения (и ш и к - а г а с ы), одного ясавула и, наконец, одного кравчего. При этом во время пира на почетном месте усаживался бий, по обе стороны - два аталыка, рядом с правым аталыком около стены садился ишик-агасы, у дверей помещения - ясавул.³⁰ Сходный аппарат власти отмечен в мужских собраниях киргизов.³¹

С.Айни очень красочно описывает празднества, устраивавшиеся в Бухаре любителями пиров и всякого рода вечеринок. Участники этих пирушек - о л у ф т а, подразделялись на социально

полуготовых (н и м т а й ё р) и готовых (т а й ё р). Во главе двух этих категорий молодых людей стоял "муж мужей". Нимтайёр, по Айни, представляли собой учеников, а тайёр – многоопытных, подготовленных членов "мужского дома". Причем нимтайёр, тайёр и их глава "муж мужей" различались по одежде.³² Согласно Айни, жажда к престижному званию "мужа мужей" приводила часто к конфликтам между молодыми людьми с применением ножей и кинжалов. Если в результате схватки победу одерживал тайёр, звание "мужа мужей" переходило к нему, в противном случае он навсегда изгонялся из среды олуфта. Иногда поединки происходили и между нимтайёром на право перехода победителя в ряды тайёра.³³

Выше говорилось о мифических чилтанах. Следует добавить, что для них тоже характерна определенная иерархическая структура. Гроссмейстером чилтанов является "один", ему подчиняются "трое", ниже которых идут "семеро", за ними следуют чилтаны. В случае смерти "одного" его место занимает кто-нибудь из "трех", на чье место переходит один из "семерых", а брешь в "семерке" заполняется одним из "сорока".

Мы видим, что "мужские дома", пустившие столь глубокие корни в недра народной жизни, хранили черты генетического родства с фольклорными чилтанами (ч и л д ж у р а), кроме всего прочего, также по линии иерархической структуры.

Перечисленные должностные лица в "мужском доме" – его высшее начальство. Как известно, они назывались м а н с а б д о р. Заслуживает упоминания то, что м а н с а б д о р на языке афганцев и сегодня означает "офицер". Что касается остальных членов "мужского дома", то у таджиков они назывались ф у к а р о – "подданные". Другое значение этого термина – "воин". Приходилось слышать также и военный термин л а ш к а р – "войско", что отмечено в научной литературе.³⁴ М.С.Андреев, имея в виду хуфские объединения, подчеркивал: "Когда «хоким» со своими сочленами отправлялся куда-нибудь, то считалось, что он шел со своим войском".³⁵ В.А.Гордлевский отмечает, что объединения холостой молодежи в кружки в современной Турции делаются на чины: э ф р а д, ч а у ш и,

о н б а ш и.³⁶ Заметим, что значение арабского слова э ф р а д – "солдаты, воины".

Приведенные данные свидетельствуют о генетической связи джура в "мужском доме" с древней и средневековой дружиной в Средней Азии. Похоже, что дружина – ядро войска, а может быть, и само войско – во главе с предводителем проходила школу воина первоначально в "мужском доме". Г.П.Снесарев пишет: "В дружине ... мы видим возрастную молодежную ячейку союза мужчин, вышедшую на самостоятельный путь дальнейшего развития, но вынесшую из мужского союза накопленный опыт школы воспитания, основные принципы внутреннего управления, дисциплины, товарищеской солидарности, некоторые обычаи. Именно к таким первичным военным отрядам восходят наиболее развитые формы среднеазиатских мужских объединений ... донесшие в пережиточных формах почти до нашего времени характерные черты институтов «военной демократии»".³⁷

Как известно, джура – этот оформившийся устойчивый коллектив людей – не замыкался рамками лишь обедов и пиров в стенах "мужского дома"; он выполнял различные функции – социальные, хозяйственно-экономические, ритуальные. Военизированный характер "мужских домов" более отчетливо выступает в ритуале, на котором мы и остановимся.

Старожилы кишлака Калачай Калон до сих пор хранят воспоминания о любопытном в этнографическом отношении явлении общественной жизни – уже исчезнувшем обычае, который состоял в том, что раз в один-два года мужская молодежь села выходила на шумное праздничное увеселение, перераставшее во всеобщее ликование округа. Мотивом для такого увеселения было семейное событие – обрезание мальчика.³⁸

Следует отметить, что существующая литература по этнографии народов Средней Азии не дает нам достаточно полной картины бытования названного обычая у таджиков, поэтому говорить о сколько-нибудь значительной библиографии вопроса не приходится. В дореволюционной литературе содержатся только отдельные разрозненные упоминания о пирушках с пыткой, поимом и театрализованном действом по случаю семейных событий, в

том числе обрезания мальчиков. Об обычае устройства подобных праздников несколько более подробно пишет лишь Н.С. Лыкошин,³⁹ которому довелось быть зрителем такой процессии в Ходженте. Этнографы нашего времени в ряде случаев также вскользь упоминают о массовых народных гуляниях-ярмарках на среднеазиатских байских туях по случаю обрезания.⁴⁰ Среди советских этнографов наибольшее внимание этому вопросу уделил Н.Н. Ершов, который посвятил специальную работу описанию одной из локальных форм рассматриваемого празднества у костакосских таджиков около Ленинабада.⁴¹

Зафиксированный нами материал, который можно рассматривать как вариант театрализованных шествий джура на туге, показывает, что т у и с а л л а д о р в районе г. Ура-Тюбе, несмотря на свое безусловно генетическое единство с празднествами таджиков Ходжента и его окрестностей, все же обнаруживает черты различия; последние являются, вероятно, результатом многовековых наслоений или утраты отдельных элементов этого обрядового комплекса.

Переходя к описанию шествия с а л л а (с а р в о з), отметим сначала, что оно устраивалось не на всяких туях, а лишь на таковых у богатых и зажиточных людей, которые сами стремились прославиться и прославить имя своего ребенка. Обычные туги обходились без шествия сарвовозов.

Задумавшие устроить туги салладор за одну-две или более недели созывали совет почтенных людей (м а с л и х а т), главным образом представителей старшего поколения. Если в результате обмена мнениями совет находил возможным проведение туги салладор, тогда сразу же определяли человека, принимающего и размещающего у себя дома салла (с а л л а г и р). Эта роль обычно выпадала на долю наиболее самостоятельного хозяина, владеющего достаточно большим домом-усадебой. Саллагир, принадлежность которого к тому или иному сельскому кварталу в расчет не принималась, кроме того, должен был быть зрелым мужчиной, знающим (д о н о), слово которого имело бы силу воздействия на окружающих (г а п а ш м е г у з а ш т а г и), уважаемым авторитетным (б а о б р у) и т.п. В отношении человека, кото-

рому поручалась обязанность саллагира, говорили: С а л л а г и р ф а л о н и или с а л л а я ф а л о н и г и р и ф т - "Принявший салла такой-то" или "салла принял такой-то". Это означало, что дом, принадлежавший названному человеку, должен был стать средоточием джура на период ожидаемого шествия.

Известие о назначении саллагира передавалось в молодежные мехмонхона селения. С этого момента начинались оживленные приготовления к туги салладор. Молодежь (ё ш о, иногда употреблялся термин е г и т о - "джигиты") разных кварталов села в свою очередь группировались вокруг самой большой по численности мехмонхона. Ход подготовки к туги салладор контролировал саллагир. Он отдавал соответствующие распоряжения джура. Они приводили в порядок свои "доспехи" (одежду и вооружение), так как, по принятому обыкновению, вся участвовавшая в шествии молодежь в день общественного выступления должна была одеваться одинаково. Верхняя одежда "воинов" выглядела следующим образом. Поверх рубах (как правило, местной кустарной ткани к а р б о с) надевали обычного среднеазиатского туникообразного покроя халаты (д ж о м а, ч а п о н из полущелковой в разноцветные продольные полосы ткани а л о ч а; по другой версии, халаты делали из красного однотонного атласа - ат л а с и с у р х и я к р а н г). Головной убор сарвовоз представлял собой тибетейку чустского фасона (т у п и и ч у с т и) - черную, с миндалеобразными фигурами. Штаны были из красной полущелковой ткани л а с. На ноги надевали местные сапоги на невысоких каблучках (м у з а и н и м п о ш - н а и м а х а л л и). Эти сапоги назывались еще м у з а и н у г а и, т.е. "ногайские (татарские)".

Халаты заправлялись в штаны, подпоясывались кожаным ремнем (т а с м а и ч а р м и). По другим рассказам, пояса сарвовозов представляли собой шелковые платки (р у м о л и ш о х и). Штаны надевали таким образом, чтобы голенища сапог оказывались под ними. Штаны были довольно широкими, доходившими в длину до щиколотки. Головы поверх тибетеек покрывали небольшими полущелковыми, сложенными в несколько слоев плат-

ками (румолилас), концы которых завязывали узлом сбоку. Некоторые рассказчики утверждали, что сарвозы поверх тибетеек надевали шапки-ушанки из овечьей шкуры.

Несколько слов следует сказать о вооружении "воинов", которое имело бутафорский характер. Его основным элементом была сабля (калич), деревянная или из кожи, окрашенная в красный цвет. Саблю либо заказывали местным мастерам-плотникам, либо каждый сарвоз делал ее сам. Для распорядителей дополнительно предусматривались плетки (камча).

Основные элементы описанного выше костюма и вооружения имелись в каждом доме. Некоторые из них, например штаны, передавались из поколения в поколение. Согласно другим данным, вооружение хранилось в мехмонхона.

Вечером накануне туикалон - первого из трех дней большого угощения - саллагир отдавал распоряжение собрать "воинов" у устроителя туя. Здесь им готовили угощение. Джура-сарвозам подавали ошисук - вид домашней лапши на воде, заправленной кислым молоком, - и плов. На этом собрании, помимо того что саллагир интересовался состоянием готовности одежды и вооружения сарвозов, совместно намечались предполагаемый порядок шествия, его маршрут, распорядок дня и т.д.

Следующий день начинался со сбора джура в доме саллагира. Этот дом назывался саллахона - "дом для салла". Джура приходили сюда после приглашения глашатая (хабарчи), который, обходя селение, выкрикивал: О сарвозо, саллахона-бараветон - "О воины, направляйтесь в дом для салла!". В саллахона сарвозы угощались пловом, необходимые продукты для которого (рис, мясо, сало и т.п.) отпускались устроителем туя. Саллагир еще раз уточнял порядок шествия, назначались распорядители, определялись их функции, после чего толпа сарвозов выходила на улицу и направлялась к устроителю туя угощаться. Впереди шествия шли одетые в праздничный наряд четыре пешраво - "идущие впереди": двое шли впереди рядом, а двое других - немного сзади на некотором расстоянии друг от друга. Пешраво обычно были

вооружены плетками и саблями. В обязанности этих дозорных входило обеспечивать беспрепятственное прохождение шествия через толпы любопытных зрителей, заполнявших до отказа улицы, чтобы посмотреть на процессию. Пешраво обычно заставляли их расходиться в стороны, освобождая улицу для прохождения сарвозов. Неповиновавшиеся требованиям пешраво подвергались наказанию ударами палки.

Вслед за пешраво шли наемные музыканты, певцы и танцоры, которые составляли особую группу полупрофессиональных артистов. По рассказам местных старожилов, устроитель туя приглашал их из Ферганы и Костакоса. Впереди группы артистов шли двое танцующих на деревянных ломадках (аспакбоз), изображая скачущих всадников. Танец исполнялся под аккомпанемент дубна, дутара (струнный музыкальный инструмент) и других инструментов. За аспакобозами следовали народные комедианты (масхарабоз), далее - танцоры (обычно мальчики-плясуны, называвшиеся бача), следом за ними - музыканты (кайнарчи, суйнарчи, дойрачи, нагорачи), певцы и др. По-видимому, в прошлом употреблялись маски. Наши информаторы сообщили, что они их непосредственно не видели, но помнят рассказы о бытовании масок на подобных представлениях. Салла и артистов отделяла группа 12-15-летних бачей с усами и бородами из козлинной шерсти. В шествии, немного отставая от группы мальчиков, верхом на лошади следовала центральная фигура процессии - саллагир, называвшийся отныне кози. Судья придавал общественной процессии особую торжественность. Он одевался в новый и яркий наряд. В комплект одежды кози входили туникообразного покроя рубаха из белой кустарной ткани с горизонтальным (по плечу) разрезом ворота и, по-видимому, с завязками (вместо застежек) из шнурков, заканчивавшихся бахромой (пупак), штаны (изор, шарвор) обычно из красного бархата, тибетеика, вероятно, также чустского фасона; поверх рубахи кози надевал туникообразный длинный халат из шелковой или полудшелковой в полоску ткани, поверх тибетеики повязывал большую чалму, а его головной убор был украшен плимажем из белых курдючных перьев. У тад-

жигов обычно, когда повязывали чалму, слева оставляли ее конец (ф а ш), доходящий до груди. Но фаш кази подбирался и закреплялся на голове под обмоткой чалмы. Выделялась и обувь кози. У него были ичиги (м а х с и) с фабричными галошами (к а л у ш). В праздничный костюм кози входил также кожаный ремень, который он носил под халатом. Весьма тщательно украшалась лошадь судьи. По рассказам, и седло, и стремя, и узда, и другие принадлежности сбруи были отделаны золотом и серебром. Для головы лошади специально готовили яркое кожаное украшение (ч о д а р). Кози ехал медленно и чинно. Грациозная походка лошади особо подчеркивала его важность и величавость.

По бокам кози, немного отставая от него, следовали визиря правой и левой руки. Одни наши рассказчики утверждали, что визиря сопровождали кози верхом на лошадях, другие говорили, что они шли пешком, ведя лошадь кози за узду.

Не меньшую строгость и торжественность придавал шествию строй "воинов": 200-250 и более сарвозов двигались торжественным церемониалом в два ряда, следуя за визирями. "Воины" никакой песни при этом не пели, шли, несильно размахивая саблями, и хором восклицали: "Рау-рау, рау-рау!". Относительно принципа построения и внутренней организации рядов собеседники говорили, что учитывалась принадлежность групп "воинов" к тому или иному "мужскому дому".

Строй сарвозов с двух сторон сопровождали караулы (к а р о в у л о; они назывались также я с а у л, я с а в у л). В обязанности ясаулов вменялось следить за строем, а также обеспечивать необходимый коридор для беспрепятственного прохода сарвозов сквозь толпы людей. Распорядители эти следовали по бокам колонны, каждый возглавлял группу из 8-10 сарвозов, так что на 200-250 человек участников шествия приходилось примерно 25-30 ясаулов.

Одежда ясаулов не отличалась от одежды рядовых сарвозов. Но их штаны (шарвор) готовились особенно тщательно. Они были не из красного ласа, а из окрашенной в желтый цвет и отделанной под замшу козьей кожи, вышитой разноцветным шелком. Штаны приобретались у ура-тубинских портных. Виденный нами экземп-

ляр шаровар был куплен, по словам владельца, еще в 1915 г. за 16 пудов ячменя. По сведениям, полученным от некоторых других наших рассказчиков, выделанную и окрашенную кожу для штанов население покупало в кишлаке Шахристан (Муджунг), а кройка и шитье производились местными женщинами; они же их вышивали. Ясаулы были вооружены кроме сабель еще и плетками. В описанном выше порядке процессия с музыкой, танцами бачей торжественно направлялась к праздничному дому (т у й х о н а). Как рассказывали, шествие сарвозов вызвало такой интерес, что толпы любопытных зрителей, желая посмотреть на "воинов", буквально наводняли сельские улицы. В этот момент в домах почти никого не оставалось: и стар, и млад, и мужчины, и женщины шли на т а м о ш о - "смотрение". Зрители теснились на улицах, забирались на крыши домов, расположенных вдоль проезжих магистралей, по которым проходила процессия. Не разбирая, что к кому попадает, они бросали сарвозам поясные платки (р у м о л), иногда халаты и т.п., ожидая в награду за это от бога исполнения своих желаний, будь то рождение детей (особенно если женщина бесплодна) или благоприятствование в устройстве подобного туя.

В туйхона для угощения салла заранее готовили соответствующие помещения, застеленные кошмами, паласами, коврами, поверх которых были положены стеганные матрасы (к у р п а ч а). В помещениях, отведенных для "воинов", участники процессии располагались, соблюдая порядок шествия: передняя часть колонны во главе с соответствующими ясаулами занимала одно помещение, следующая за ней часть - другое, и так далее. Кози и визиря угощались отдельно в обществе мужчин зрелого возраста. Однако по отношению к кози проявляли особые знаки почтения. В помещении для него устраивали т а х т (букв. "трон") из стеганных матрасов.

Во время обеда и вообще, пока сарвозы находились в помещениях, никто, кроме распорядителя по угощению (д а с т у р х о н ч и), назначавшегося руководителем туя (туйхоши-"тамада"), не имел права входить туда даже при неотложной необходимости. За этим следили дастурхончи (они назначались по од-

ному в каждом помещении) из числа джура устроителя туя. Если кто-либо случайно оказывался в помещении, где обедали салла, об этом происшествии тут же докладывали кози. Провинившегося его помощники приводили к тахту, закручивая ему руки за спину, и его немедленно подвергали наказанию: с него взыскивали штраф, который часто заменялся трудовой повинностью. Кози обязывал провинившегося носить воду на кухню, колоть дрова, убирать двор, разравнивать бугорки, срезая их лопатой или кетменем, устраивая тем самым площадь, удобную для размещения гостей.

Характерно, что джура-салла на туях (во время угощения) строго следили за порядком во всем. Непочтительность, например, по отношению к кому-нибудь из старших по возрасту (например, не поздоровался с ним в момент спешки) наказывалась весьма строго. Провинившиеся, которые подвергались аресту, отбывали наказание в каком-нибудь подсобном помещении. Они там находились до тех пор, пока кто-либо из близких родственников не брал их на поруки, внося определенную мзду. Людей (особенно парней) нередко наказывали за слишком громко сказанное слово, иногда за неуместную шутку. Однако подобные дисциплинарные меры или публичные "судилища" иногда устраивались также ради всеобщего веселья, и поэтому они оживленно поддерживались публикой.

После угощения (гостям сначала подавали лепешки, различные сладости, чай; за последним следовал традиционный плов) устраивались танцы (базм) с участием бачей-плясунов. Затем салла в полном составе покидали праздничный дом и в прежнем порядке направлялись на спортивное состязание — козлодрание (улок), устраивавшееся по случаю семейного праздника.

Опять громкие звуки труб, бубнов и других музыкальных инструментов заполняли главные улицы селения, пока процессия шла на место улока. Судя по рассказам, присутствие джура-салла на улоке не обставлялось особыми церемониями, так как внимание публики было приковано в основном к козлодранию. Парадные места здесь занимала наиболее почетная часть публики, которая наблюдала за ходом состязания. Остальные располагались

по старшинству. Несколько выделялись ясаулы, которые и здесь наблюдали за порядком. Что касается кози и визирей, то их присутствие особо не подчеркивалось. Из рассказов, однако, вытекает, что кози ведал всем фондом призов (с о л и м), вручаемых победителям состязания; он давал необходимые рекомендации относительно их качества и количества. В этом вопросе кози был подчинен человеку, ведающему призами (с о л и м т е).

После окончания состязания процессия возвращалась в дом хозяина туя, а затем двигались в саллахона. Здесь опять устраивался базм, после чего все расходилось по домам, а с наступлением темноты повторно собирались в туйхона на главный базм, который длился до глубокой ночи. На середине двора горкой накладывали дрова (обычно из деревьев твердой породы) и разводили костер, вокруг которого и устраивался базм. На базме танцевали бачи, выступали музыканты и певцы. Джура-сарвози кольцом окружали костер и поддерживали хлопаньем в ладоши (в такт музыке) ход базма. Если было очень темно, то для лучшей видимости в жестяных тазах зажигали огни из лыяного жмеха (к у н д ж о л а); их ставили по углам двора на заборах и крышах помещений. Иной раз, когда размеры двора не подходили для базма, его выносили за пределы праздничного дома, выбирая для этого подходящее место. По окончании базма считался законченным первый день туя. Второй день туя салладора отличался от первого лишь тем, что после улока процессия направлялась в Ура-Тюбе, преодолевая при этом почти четырехкилометровый путь. Пройдя по улицам города, джура затем отправлялись в обратный путь, где их опять ожидало угощение в доме устроителя туя. Надо сказать, что на протяжении трех дней, пока длился праздник, устроитель туя кроме каждодневного угощения салла выдавал им пропитание натурой (к у н о к): лепешки, разного рода сладости, чай и необходимое количество риса, мяса, моркови, лука и прочего для приготовления вечернего плова в "мужских домах".

Третий, последний день шествия салла-джура был похож на первый, хотя, по-видимому, на него приходился самый главный праздничный момент. В этот день вечером в туйхона для сарво-

зов и других участников подготовки и проведения туя устраивалось специальное (прощальное) угощение, называвшееся **с а р г а р д о н и** - букв. "возвращение голов". К концу этого угощения устроитель преподносил кози и его свите дарственные халаты и пояса. Помимо халатов и поясных платков сарвози получали от устроителя праздника по одному барану на "мужской дом", представленный в процессии. Джура-сарвози затем резали их и ели сообща в мехмонхона.

Таково вкратце содержание праздника, устраивавшегося в окрестностях Ура-Тюбе. Об аналогиях в других местах мы уже упоминали. Один из его вариантов зафиксирован, как известно, в селении Калачай Раис, где это шествие называлось **т у и с а р в о з д о р**. Сходство последнего с туя саладор освобждает нас от подробного его описания. Отметим лишь некоторые черты, характерные для шествия джура в Калачай Раис.

1) Главная фигура, называвшаяся в Калачай Калон кози, в Калачай Раис именовалась **п о д ч о** (лит. **п о д ш о х** - "царь", "падишах"). 2) В рассказах о шествии джура в этом кишлаке упоминается еще один персонаж - **п а л а ч** (**д ж а л о д**), который замыкал строй сарвозов в церемонии. Он был вооружен так же, как ясаулы в Калачай Калон. Функции джаллода карательные: он приводил в исполнение решения "царя" о наказаниях или вознаграждениях. 3) В Калачай Раис сарвози были вооружены бутфорскими ружьями (**м и л т и к**), окрашенными в темный цвет. Сарвози в процессии их несли на правом плече, продевая руку в ремень, сделанный из веревок. Милтики изготавливали местные мастера-плотники. Они хранились в "мужском доме", и за их сохранность отвечал распорядитель по продуктам для угощения джура (**м у б о ш и р**). Согласно другой версии, ружья эти хранились у сарвозов в домах; при необходимости их можно было заказать у плотника.

Во всех остальных деталях туя сарвоздор в кишлаке Калачай Раис полностью совпадает с аналогичным туем в Калачай Калон.

Обрядовая функция джура, а вместе с тем отражение в нем черт дружины довольно заметно прослеживаются при рассмотрении

традиционного праздника науруз (**с а р и с о л**). К сожалению, мы не имеем возможности привлечь здесь полевой материал, зафиксированный нами в окрестностях Ленинабада и Пенджикента. Отметим лишь, что этот древний праздник, с которым было связано много обычаев, выполнявшихся для того, чтобы обеспечить урожай в настоящем году, у таджиков знаменовал начало земледельческого года.⁴² Науруз сопровождался большими народными гуляньями, называвшимися **с а й л**. На одном из этапов праздника джура соседних кишлаков группами, в соответствии с их принадлежностью к той или иной мехмонхона, запасаясь необходимым провиантом, паласами, кошмами и кухонной утварью, на арбах и лошадях выезжали в **с а й л г о х** - "место для сайла". В окрестностях Ходжента (Ленинабад) один из многолюдных сайлгохов находился, например, в долине р.Ходжа-Бакирган, впадающей в Сырдарью. Прибыв в сайлгох, джура строили себе навесы и шалаши. Их соорудили так много, что в результате образовывалось огромное поселение. Нередко навесы возводили довольно основательно, их крыши делали такими, как в местных жилых домах. Эти навесы служили несколько сезонов, и джура приезжали из года в год в одно и то же жилище.

Три дня пировали джура в этом своеобразном лагере. Резали баранов и устраивали обеды. Их досуг заполнялся различными играми, шуточными сценами, песнями и плясками. Устраивались состязания в скачке, борьбе; в свободное время ходили в окрестности собирать тильпаны (**л о л а**).

Нечто подобное происходило и в Пенджикенте, где участники местных гаштаков обычно после завершения сезона весенних полевых работ группами выезжали в район Кайнара, разбивали там юрты (**х и р г а**), взятые во временное пользование в тюркоязычных кишлаках правобережья Зеравшана, и три дня проводили с песнями, музыкой и танцами. Эти увеселения, которые привлекали многих зрителей из города, окрестных кишлаков и даже других районов, сопровождались богатыми обедами.

Таким образом, увеселения по поводу наступления нового земледельческого года в окрестностях как Ходжента, так и Пенджикента довольно явственно подчеркивали именно военную

окраску "мужских домов". Немало интересного в этом отношении дает также рассмотрение традиционного свадебного церемониала таджиков, который, по-видимому, тоже относился к прерогативе "мужских домов". Здесь и шествие поезда жениха (л а ш к а р), который порой достигал масштабов целого полка, вооруженного ружьями, и шумная пальба при приближении поезда жениха к дому родителей невесты, и наличие хора, запевалы (с а р - н а к ш), определенного песенного репертуара и мн.др.

Подведем некоторые итоги. Как видно из изложенного выше материала, организация мужчин в "мужском доме" возводилась к пяти или семи "первым мужчинам". В некоторых местах штат "властных фигур" предусматривал наличие дополнительных единиц. Во главе штата "должность имеющих лиц" стоял джурaboши (эшони бобо), носивший и другие названия. Этот руководитель "мужского дома" обычно был выходцем из богатой семьи Джурaboши - лицо авторитетное, влиятельное в округе, хозяин помещения, начальник джура. Складывается впечатление, что данная личность являлась по существу главой джура, а те беспрекословно выполняли его волю, в одиночку или всей группой (и только под началом господина) шли на любое дело, стояло лишь на это указать их повелителю. Строительство (ремонт) дорог, оросительных сооружений, организация взаимодействия и взаимопомощи (х а ш а р) и т.д. - все это возглавлял джурaboши. Привилегированное положение начальника "мужского дома" поддерживалось, кроме того, его социальным весом в округе. Поэтому джура, проводя свой досуг в его мехмонхона, фактически оказывались в зависимом положении от ее владельца. Случаи неверности ему, невыполнения его указаний со стороны джура были исключены. Малейшее уклонение от поручений начальника, проявление самой незначительной непочтительности к нему, неуважительного отношения к его указаниям не оставались незамеченными. Это вызывало в первую очередь осуждение самих джура, которые в подобных случаях всегда опережали начальника. В словах: "Этого юношу я вручил вам, его мясо - ваше, а кожа да кости - мои", - с которыми родители или родственники обращались к джурaboши (эшони бобо), впервые приведя юношу в "муж-

ской дом" для участия в гапе (гаштаке), можно видеть своего рода присягу, клятву начальнику в верности ему. Таким заверением в верности родители джура связывали сыновей с их господином - этим, по-видимому, носителем тех функций и обязанностей, которые были некогда характерны для древних вождей. И в самом деле, власть джурaboши (эшони бобо) над джура и его права, наличие у него "воинов" - все это напоминает то, что являлось прерогативой дехкан-аристократов древней Средней Азии, для которых было характерно наличие "клиентов", выполнявших (смотря по ситуации) различные функции, от военных до хозяйственных.

Таким образом, если джурaboши (эшони бобо) "мужского дома" выступает перед нами как реликт древних родовых вождей с дружиной, то джура - эта хорошо сложенная дружина, получившая готовую форму социального сплочения в мехмонхона, напоминает нам низовые звенья среднеазиатского ополчения во главе со своим предводителем. Известно, что рыцари-дехкане в домусульманской Средней Азии (Согд) содержали дружины чакиров.

Предположение о генетической связи рассматриваемого нами института джура со среднеазиатской дружиной в значительной степени подтверждается анализом терминологии, бытовавшей в "мужском доме", о чем было сказано выше. Среди этой разнообразной терминологии следует выделить часто встречающийся термин н у к а р. Примечательно, что он восходит к древнемонгольскому *nökur* (*nökur*), что значит "друг".⁴³ Это наводит на мысль, что термин "джура" применялся к определенной категории воинов, спланивавшихся, подобно древнемонгольской военной дружине при ханах, багатурах и других вождях монгольской степной аристократии, вокруг своего господина. В таком случае таджикских джура можно рассматривать еще как реликт древних дружинников, многими чертами напоминающих и дружинников древнегерманских вождей, и княжеских дружинников Древней Руси. Впрочем, о среднеазиатских войсковых соединениях, комплектовавшихся в XVI в. из ч у х р а, пишет Р.Г. Мукминова.⁴⁴ Сопоставляя данные отдельных средневековых памятников, она установила, что в них чухра упоминаются наряду с

другими участниками военных событий. Некоторые чухра (те, кто оказывал особые услуги) переводились в разряд ясаулов (ср. ясаул в "мужском доме"). К слову сказать, у этого автора мы находим упоминание о том, что группы из чухра, выступая в боях с противниками, располагались на правом и левом флангах боя, и соответственно этому сами чухра делились на левых и правых.⁴⁵ Здесь мы должны сделать небольшое отступление.

Дело в том, что джура в "мужских домах" также делились на два крыла (правое и левое), возглавлявшихся особыми начальниками (визирями), подчиненными джурабоши (эшони бобо). Отсюда можно допустить существование определенной внутренней структуры этих дружин. Во всяком случае мы знаем, что в основе военной тактики античного мира и средневековья лежало тройное членение боевого порядка. В знаменитой поэме Фирдоуси "Шахнаме" имеется указание на четкость такого тактического построения войск при Сасанидах. Так, перенеся события в доисторические, мифические времена, поэт говорит:

Возглавил войска Манучехр на коне,
В румийском шеломе, с мечом и в броне.
Искусно построена рать им была,
Ее середина и оба крыла.⁴⁶

Возвратимся к данным Р.Г.Мукминовой. Наряду с чухра, сообщает она, существовали термины чухраака, чухраакоси.⁴⁷ Анализируя последние, Мукминова нашла возможным предположить, что чухраака возглавляли отряды из чухра (ор. функция джурабоши, эшони бобо в "мужском доме"). Особо хочется отметить наблюдение автора о том, что в источниках группы воинов определяются как состоявшие из 40 джититов. Из этих групп, подчеркивает Мукминова, комплектовалось особое войсковое соединение.⁴⁸ Подобные военные отряды известны, в частности, у туркмен под названием ак-ойли.⁴⁹ Данным институтом в настоящее время успешно занимается Ю.М.Ботяков.⁵⁰

Рассмотренные факты довольно определенно свидетельствуют об общности черт среднеазиатских дружинников и рассматриваемой

нами организации джура в "мужском доме". Характерно, что в словарях перевод термина чухра - "прямодушный (просто) безбородый мальчик".⁵¹ Как правильно отмечает Р.Г.Мукминова, эти сведения заставляют думать, что генетически первое, основное значение термина чухра было "мальчик", "юноша". Сказанное позволяет предположить, что среднеазиатская дружина, некогда составлявшая, по-видимому, ядро войска в Средней Азии, своими корнями была связана с интересующими нас "мужскими домами". Вероятнее всего, корни как тех, так и других уходили глубоко в недра народной жизни, покоившиеся на примитивных формах организации общества.

На связь среднеазиатской дружины с институтом джура обратили внимание и специалисты по этнографии народов Средней Азии.⁵² Не повторяя уже известных фактов, отметим, что низшая категория института джура обозначалась термином фукаро - "подданные", "воины". Должностные имеющие лица в "мужских домах" стояли отдельно от фукаро; они назывались также лашкар - "войско". Этот момент, не менее чем другие аспекты рассматриваемого института, дает основание для предположения о военной функции джура.

Для джура было характерно объединение в более крупные подразделения (об этом говорят данные обрядности с участием джура). Как было показано выше, в "смотре" сарвозов в округе г.Ура-Тюбе участвовал целый "батальон" джура. В этой связи обращает на себя внимание головная часть дружины жениха, называвшегося шо (ша) - "князь". О военизированном характере поезда жениха свидетельствуют различные пантомимы, которые исполняли участники шествий, наличие вооружения (ружей, сабель, плеток, петард, факелов и т.д.). Интересно сходство ритуала походных построений шествий джура на туи салладор и на свадьбе с праздником годового цикла - наураз. Один из таких праздников, напоминающий праздник "мая" у таджиков Исфари, описала Е.М.Пещерева.⁵³ Он называется праздником тильпана (лола). Его устраивали во время цветения тильпанов обычно между 10 и 20 апреля. Как показывают данные Пещеревой (наши полевые записи, подтверждают это), готовясь к

празднику, хор молодых людей репетировал песни, которые исполнялись во время торжеств, а выбранные распорядители, в число которых входил запевала хора (с а р н а к ш), занимались сбором денег на праздник. Вечером мужчины собирались в центре базара (ч о р с у) посмотреть на проводы молодых людей, отправлявшихся собирать тюльпаны: "Спереди шествия идет человек с факелом, за ним идет хор. Все участники хора идут плотно сомкнутой группой, обняв друг друга за шею. Сарнакш идет перед хором, держась лицом к нему. За хором, тоже обнявшись, идут лолачи (сборщики тюльпанов. - Р.Р.), окруженные со всех сторон провожающими".⁵⁴

Срубленный тополь с широкой раскидистой кроной мужчины очень быстро и весело украшали тюльпанами, а затем несли к центральному месту праздника - в большой сад. По мере приближения процессии с деревом все зрители вставали с мест и шли ей на встречу. Дерево вносили в толпу, ставили на землю, и хор (из 400-500 молодых людей) торжественно пел (отметим, что исполнявшиеся при этом песни - н а к ш почти полностью совпадали с теми, которые пела дружина жениха на свадьбе). На празднике тюльпана, когда дерево вносили и ставили на землю, пускали фейерверк и стреляли из ружей. Затем к вечеру украшенное цветами дерево доставляли в селение. Впереди несли факелы, а перед хором двигались пляшущие юноши.

У таджиков долины р.Панджир на богатых свадьбах в составе поезда жениха бывало до 250-300 человек. Столь внушительная по численности свита жениха также называлась "войском царя (князя)". Рассказывали, что почти каждый второй участник этой процессии был вооружен кремневым ружьем. Наши собеседники говорили, что однажды из кишлака Писгаран выехала процессия жениха по направлению к дому невесты, находившемуся в трех часах пешего пути от Писгарана, в Сангихане. Она насчитывала около 1000 человек. Прибыв в Сангихану, жители которой принадлежат к этнической группе а з а р а (лит. х а з а р а, т.е. казакейцы), парни подвергли кишлак (к а р ь я) столь сильному обстрелу, что он был почти окутан пороховым дымом, отчего жители в ужасе бросили свои дома и обратились в бегство.

Следовательно, если джура в стенах "мужского дома" напоминают нам низовые звенья среднеазиатских ополчений, то их объединение в более крупные подразделения, свободные от узко-локальных и кровнородственных ограничений, нам кажется, можно сравнить с самими этими ополчениями во главе с князем (царем), кизи (туи салладор) или сарнакшем (праздник тюльпана), выступавшими их предводителями. Совершенно естественно, что подобные соединения могли быть достаточно грозной силой для любого другого царя, если тот оказывался, по выражению Ф.Энгельса, заинтересованным в том, "чтобы находить поводы для усобиц".⁵⁵ Такое понимание природы функционирования института джура, по нашему мнению, должно пролить известный свет на многие пока еще нерешенные вопросы социальных движений на Востоке.

Примеров подобного рода в этнографической литературе можно найти немало. В Юго-Восточной Африке юноши, собранные по возрастным группам в военные краалы, действовали и как армия, и как полиция, и как рабочие отряды. В период объединения сотен мелких кланов нгуни под эгидой Чаки - главы клана Зулу - совершался переход от группы однолюток, сражавшихся в рядах своего клана, к регулярным военным полкам.⁵⁶ Когда подданных стали насчитывать не сотнями, а тысячами, возникла необходимость в новой организации населения. Молодежь одного возраста независимо от того, к какому клану она принадлежала, стали объединять в группы (роты или подразделения по несколько сот человек в каждом) под прежним названием - а м а б у т о. Их единственным назначением было ждать приказа властелина и выполнять то государственное дело, которое будет на них возложено. Главной обязанностью амабуто являлось участие в военных действиях и набегах. Так, прежние возрастные группы превратились в "воинские соединения". Подходящее лицо из числа знати назначалось их "полковником" (ср. кизи в туи салладор, сарнакш на празднике тюльпана), а последний из среды самой молодежи назначал "капитанов, которые становились командирами батальонов".⁵⁷

Говоря о ритуале (например, туи салладор), который относился к функции "мужского дома", хочется отметить и то, что

регулярное войско в Бухаре (описываемые нами районы в изучаемый период относились к Русскому Туркестану) представляло собой полк, состоящий из пехотинцев (сарбозов) и пушкарей. Заметим, что пехотинцы Бухарского полка именовались так же, как и участники процессии туи салладор. Сарбозы в Бухаре имели форму, состоявшую из суконных курток (а л о ч а) черного и желтого цветов, белых коленкорových брик и черных мерлушковых шапок. Но вскоре коленкоровые брики заменили "козловыми шароварами, употреблявшимися в Бухаре для верховой езды".⁵⁸ И здесь мы снова встречаемся с шароварами, какие носили участники театрализованного зрелища в Ура-Тюбе.

В связи с аппаратом должностных лиц "мужских домов" возникает еще один вопрос: не связан ли он с более архаической формой политической (военно-административной) структуры в среднеазиатских государствах? Разумеется, на сколько-нибудь прямые данные касательно названного вопроса рассчитывать не приходится. Можно лишь сопоставить некоторые косвенные факты. Впрочем, в этнографической литературе в этом отношении уже оказывался ряд предположений. Так, С.П.Толстов рассматривает "тайные общества" как террористические организации, осуществлявшие примитивные функции публичной власти, охранявшие зарождавшуюся на последних этапах матриархально-родового строя собственность, обуздавшие межплеменные распри мерами религиозного, а иногда и физического террора, обеспечивавшие подчинение непосвященных рабов и женщин.⁵⁹ Г.П.Снесарев также предполагает, что истоки многих явлений, которые слагали систему власти в среднеазиатских государствах древности и средневековья, следует искать именно в органах самоуправления мужских союзов и межплеменных тайных обществах.⁶⁰

Действительно, административный аппарат среднеазиатских государств, особенно на позднейших этапах истории, обнаруживает ряд черт, сходных со штатами "должность имеющих лиц" мужских объединений. Проследим эти черты.

Как известно, в "молодежных домах" употребляли вино (мусаллас, буза) и существовал довольно строгий этикет его питья, который требовал наличия особой фигуры в среде джура - крав-

чего (с о к и); он разливал вино в чашу, первым подносил его джурабши (эшони бобо), а тот в свою очередь предлагал чашу с вином присутствовавшему почетному гостю.

Следует сказать, что в сказках, былинах, в народном эпосе ираноязычных народов, в том числе и таджиков, вино или вообще хмельным напиткам отводится весьма видное место. Еще Ф.А.Розенберг в своем исследовании о вине и пирях в национальном эпосе ираноязычных народов⁶¹ писал, что роль вина в жизни народов "это не есть признак разнузданности или порочности того или другого народа, а явление, объяснение которого надо искать в области общечеловеческой психологии".⁶² Знакомство с текстом "Шахнаме" (X в.) показывает причудливо созданные Фирдоуси картины пиров и застольных обычаев царей, которые поражают своим сходством с обычаями употребления вина в кругах изучаемых нами мужских собраний. Розенберг отмечает, что, по "Шахнаме", на пирях во дворцах в присутствии царя почтенные гости приглашаются к царскому столу; прислуживают им прекрасные юноши (ср. соки в "мужском доме"). В благоприятное время года пируют в садах среди цветов, причем иногда при этом зажигают костры. Не одна только легкая музыка раздается во время пиров. Пируя, пьют за витязей, за друзей, за присутствующих, причем хозяин (или старший) пьет первым. Интересно, что обучение умению пить входит наравне с различными искусствами как существенная часть в программу воспитания принцев. Богатырь Рустам, воспитывая наследника престола Сиявуша, снабдив его лошадью и всем, что требуется для войны и охоты, обучая его государственному и военному искусствам и всем добродетелям, строит ему также зал для приемов, не забывая о вине и застольях.⁶³

Конечно, от поэта X в., даже ученого, нельзя требовать исторических или этнографических реалий, в частности подробного описания ритуала питья вина. Однако столь впечатляющие сцены пиров и застолий, какие мы находим в "Шахнаме", бесспорно свидетельствуют о древности этого дворцового обычая, восходящего своими корнями в глубинные пласты народной жизни.

В.В.Бартольд в свое время обратил внимание на изучение в

Средней Азии "одного из самых любопытных вопросов этнографии и культурной истории — вопроса о постепенном подчинении кочевых завоевателей влиянию покоренных ими культурных областей, постепенной утрате родовых делений и замене родового строя жизнью территориальных общин".⁶⁴ Для иллюстрации этой мысли Бартольд приводит отрывок из труда Махмуда, сына эмира Вели "Море тайн относительно доблестей благородных" ("Бахр ал-ас-рār фи манāкиб ал ахйār"), написанного на персидском языке в первой половине ХУП в. В этом отрывке сообщаются любопытные и подробные сведения о былом церемониале питья кумыса при дворе узбекского хана Надыра Махмуда, правившего сначала в Бухаре, потом в Бухаре и Самарканде. Как показал М.Ф.Гаврилов, описанный автором дворцовый церемониал питья кумыса в своих основных моментах совпадает с существовавшим до недавнего времени в узбекской среде этикетом питья вина (бузы) соучастниками "домов мужчин".⁶⁵ Столь явное сходство церемониала питья кумыса при ханском дворе и обычая питья бузы (м у с а л л а с а) в кругах "мужских домов", как это видно и по нашим материалам, убеждает в том, что происхождение этого дворцового церемониала можно правильно объяснить только на основе древней народной традиции.⁶⁶

На генетическую связь политической власти в Средней Азии с аппаратом должностных лиц "мужских домов" указывает также список "первых мужей" рассматриваемой организации. В ряде случаев и тут и там мы имеем одни и те же основные чины и звания, причем со сходными функциями: царь,⁶⁷ вазир,⁶⁸ кази,⁶⁹ раис,⁷⁰ аталык,⁷¹ накиб,⁷² ясаул,⁷³ джаллад (миргазаб), виночерпий (кравчий), дастурхончи,⁷⁴ бакавул,⁷⁵ и т.д. Между прочим, анализ функций отдельных должностных лиц государственных учреждений в среднеазиатских ханствах показывает, что многие из этих государственных мужей даже на последнем, феодально-бюрократическом этапе развития среднеазиатских государств не потеряли своих первоначальных ритуальных и иных общественных функций. Анализируя сведения о городской администрации в Средней Азии после прихода арабов, специалисты установили, что управление городом находилось в руках раиса.

Характеризуя многочисленные функции раиса — этого, впрочем, "хорошего воина",⁷⁶ исследователи подчеркивают, что одной из его обязанностей была организация городских праздников.⁷⁷ Как видно, этот султанский чиновник государственного ведомства по-прежнему сохранял за собой роль ритуального лидера. Нечто подобное характерно и для кази — проводника официальной идеологии. По своему значению и функциям кази был близок епископу христианских городов.⁷⁸ При отсутствии кодифицированного законодательства кази не только толковал законы, но сам зачастую являлся законодателем. Представляет интерес тот факт, что в 776 г. во время восстания Мукадди кази Бухары Амир ибн Имран возглавил ополчение бухарцев, вышедшее вместе с войсками для подавления "белоодежников" в Бемиджете.⁷⁹ Кази Бухары, кроме того, неоднократно возглавляли большие общественные работы или сочетали с судейством посты, относящиеся к ведомству государственной безопасности. Много функционального сходства находим и в деятельности других должностных лиц как в "мужском доме", так и в государственном (военно-административном) аппарате.

Эти данные позволяют нам сделать вывод о том, что народные "мужские дома" могли служить почвой для существования определенных общественных институтов, многие из которых, видимо, выполняли функции публичной власти. Выше говорилось о функциях джуррабои (эшона обобо), близко напоминающих обязанности древних вождей. Нельзя полностью исключить и то, что длительная эволюция функций этих вождей — от преимущественно ритуальных к преимущественно политическим, — которая произошла под воздействием экономических и других факторов, привела в конечном счете к изменениям в системе военно-политической организации общества.

Вот, собственно, та цепочка косвенных свидетельств, которые, по нашему мнению, необходимо учитывать при специальной разработке вопроса о взаимной связи "мужских домов" и военно-административной (политической) организации. "Возникновение и развитие тайных ритуальных объединений, — пишет И.Л.Андерсеев, — объективно порождает притязания верхушечных групп,

узурпирующих определенные общественные функции, на монополию публичной власти, до сих пор сосредоточенной в рамках кровно-родственной организации в руках родовых старейшин".⁸⁰

Тенденция слияния родовой верхушки с руководством тайного ритуального общества и перерастания последнего в органы публичной власти видна из анализа их судебных и карательных функций. Этот момент свидетельствует о том, что последние, как правило, стоят на страже интересов формирующихся частных собственников и лиц, сосредоточивающих в своих руках посреднические и обменные функции. Так возникает и развивается их классовая направленность.⁸¹

- ¹ Вяткин В. Л. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1212-1217 (1800-1803) годов // ИСОРГО. 1928. Т. 18.
- ² Троицкая А. Л. Военное дело в Бухаре в первой половине XIX века // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии. Душанбе, 1953. С. 205-210. (ТИАЭ АН ТаджССР; Т. 17).
- ³ Снесарев Г. П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1963. Вып. 7. С. 175 и след.
- ⁴ Кисляков Н. А. Аловхона - "дом огня" у таджиков // Основные проблемы африканистики: К 70-летию чл.-кор. АН СССР Д. А. Ольдерогге. М., 1973. С. 91.
- ⁵ Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 164.
- ⁶ Azizi B. Zarbdor (Mashmaji hikojahe). Stalinobod, 1932. S. 57.
- ⁷ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Душанбе, 1953. Вып. I. С. 118.
- ⁸ Нурджанов Н. Таджикский народный театр. М., 1956. С. 56.
- ⁹ Айни С. Воспоминания / Пер. с тадж. А. Розенфельд. М., 1960. С. 479.

- ¹⁰ Подробнее об этом см.: Рахимов Р. Р. Дети и подростки в афганском обществе // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983. С. 102-105.
- ¹¹ Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 159.
- ¹² Рахимов Р. Р. Некоторые представления о возрастном символизме у таджиков // Всесоюз. сес. по итогам полевых этнограф. исслед. 1980-1981 гг., посвящ. 60-летию образования СССР: Тез. докл. Нальчик., 1982. С. 126.
- ¹³ Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 181.
- ¹⁴ Там же. С. 176.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 180.
- ¹⁷ Там же. С. 183.
- ¹⁸ Там же. С. 167.
- ¹⁹ Там же. С. 184.
- ²⁰ Там же, С. 166, 183, 184.
- ²¹ Антология таджикской поэзии. М., 1957. С. 765.
- ²² Абрамзон С. М. Этнографические сюжеты в эпосе "Манас" // СЭ. 1947. № 2. С. 147.
- ²³ Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 181.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 164. и след.
- ²⁶ Там же. С. 167.
- ²⁷ Андреев М. С. Указ. соч. С. 117, 118.
- ²⁸ Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 165.
- ²⁹ Там же. С. 168.
- ³⁰ Гаврилов М. Ф. Остатки ясы и юсуна у узбеков. Ташкент. 1929. С. 4.
- ³¹ Симakov Г. Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX-начале XX в. М., 1984. С. 161.
- ³² Айни С. Указ. соч. С. 482, 483.
- ³³ Там же. С. 484.
- ³⁴ Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 176.

- 35 Андреев М. С. Указ. соч. С. 118.
- 36 Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии // Избр. соч. М., 1960. Т. I. С. 121 и след.
- 37 Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 182.
- 38 Необходимо сделать одно предварительное замечание. Дело в том, что игровой цикл, о котором идет речь, в Калачаи Калон носил название *туи салладор*. Слово *туй*, как известно, обозначает "семейное празднество". Что касается термина *салладор*, то он состоит из двух частей: *салла* + основа настоящего времени от таджикского глагола *доштан* ("иметь") - *дор*. Таким образом, *туи салладор* на русский язык можно перевести как "празднество, имеющее салла", или "празднество с участием салла" ("празднество с салла"). Слово *салла* в современном таджикском языке имеет значение "чалма" или "обод (решета, сито)". Но наименование "салла" в рассматриваемом контексте в перечисленных значениях наши рассказчики отрицали, хотя и другого объяснения этому слову они не давали. В рассказах о *туи салладор* они иногда слово *салла* заменяли словом *сарвоз* (лит. *сарбоз*), что значит "воин", "солдат", "человек, играющий (рискующий) своей головой". В соседнем с Калачаи Калон селении Калачаи Раис информаторы сходное увеселение, которое там устраивалось в последний раз в 1915 г., называли не *туи салладор*, а *туи сарвоздор* - "празднество с участием сарвозов". Отсюда следует, что слова *салла* и *сарвоз* - синонимы. Функциональное сходство наименований *салла* и *сарвоз* в значительной степени подтверждается также военизированным характером самого зрелища. Синонимичность слов *сарвоз* и *салла* (соответственно *туи сарвоздор* и *туи салладор*) наводит на мысль, что последнее является заимствованным. Можно думать, что термин *салладор* восходит к русскому слову *солдат* (местное про-

изношение его и в наши дни - *саллот*; ср.: *кур-тай саллотяхан* - "рубаха с солдатским воротом"; так, по устному сообщению Е. М. Пещеревой, *костакоские* - *кыстакоские* - таджики называли женскую рубашку со стоячим воротником). Такое предположение, по-видимому, не лишено основания. Дело в том, что после присоединения края к России, туй, особенно крупномасштабные, как показывает материал, относящийся к костакоским таджикам, проводились с разрешения местной администрации (Ершов Н. Н. *Туй-додор у кыстакоских таджиков* // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии. Душанбе, 1953. С. 87-97. (ТИИАЭ АН ТаджССР; Т. 17).

Возможно, что во взаимных контактах местного населения с русскими по поводу туй название *туи сарвоздор* могло замениться сначала формой *туи саллотдор*, а потом *туи салладор* (это произошло, как нам кажется, во-первых, в результате ассимиляции двух переднеязычных согласных "д" сначала в "дд", а затем в "д"; во-вторых, в результате перехода гласного "о" в предпоследнем слове в "а", что могло произойти отчасти под воздействием народной этимологии - представления о связи слова *саллот* со словом *салла* в значении "чалма").

Можно было бы допустить, что значение термина *салладор* - "празднество, сопровождающееся надеванием чалмы", поскольку туй по случаю обрезания у народов Средней Азии - событие ритуального характера, сопровождаемое надеванием на голову мальчика в первый раз чалмы. При таком толковании слово *салла* могло бы быть понятным в прямом смысле. Однако нас смущают следующие обстоятельства: а) надевание на голову мальчика в первый раз чалмы производилось обычно в подростковом возрасте; б) в окрестностях г. Ура-Тюбе название *туи салладор* носил только тот крупномасштабный туй, на котором устраивалось театрализованное шествие салла, что происходило один-два раза в год; в) информаторы приме-

- няли этот термин не по отношению к мальчику - виновнику торжества, а по отношению к участникам шествия; г) в рассказах об этих шествиях слова с а л л а д о р и с а р в о з д о р информаторами употреблялись как слова-синонимы (ср. туи сарвоздор в селении Калачаи Раис).
- 39 Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане: Очерк быта туземного населения. Пг., 1916. С. 344; см. также: Масальский В. И. Туркестанский край. Спб., 1913. С. 402.
 - 40 Троицкая А. Л. Из истории народного театра и цирков в Узбекистане // СЭ. 1948. № 3. С. 79.
 - 41 Ершов Н. Н. Указ. соч.
 - 42 Пещерова Е. М. Праздник тюльпана (лола) в селении Исфара Кокандского уезда // [Сборник] в честь В.В.Бартольда. Ташкент, 1927. С. 64.
 - 43 Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 91.
 - 44 Мукминова Р. Г. Некоторые данные о термине "чухра" // Сборник памяти М.С.Андреева. Душанбе, 1960. С. 145. (ТИАЭ АН ТаджССР; Т. 120).
 - 45 Там же. С. 140.
 - 46 Фирдоуси А. Шахнаме. М., 1957. Т. 1. С. 134.
 - 47 Мукминова Р. Г. Указ. соч. С. 140.
 - 48 Там же. С. 141.
 - 49 Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. 1938. № 1/2. С. 72-81.
 - 50 Ботяков Ю. М. 1) Институт ак-ойли у западных туркмен-йомудов (конец XIX-начало XX в.) // Крат.содерж. докл. Среднеаз.-Кавказ. чтений, 1983. Л. 1983. С. 17-18; 2) Место молодежных объединений в системе института ала-мама // Настоящее изд. С. 131.
 - 51 Мукминова Р. Г. Указ. соч. С. 145.
 - 52 См., напр.; Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 181.
 - 53 Пещерова Е. М. Указ. соч. С. 374-384.
 - 54 Там же. С. 374.
 - 55 Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникно-

- вения национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 374.
- 56 Андреев И. Л. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу // СЭ. 1971. № 2. С. 15.
 - 57 Там же.
 - 58 Троицкая А. Л. Военное дело ... С. 213.
 - 59 Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 311.
 - 60 Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 171.
 - 61 Розенберг Ф. А. О вине и пирах в персидской национальной эпосе // Сб. МАЭ. Пг., 1918. Т. 5, вып. 1. С. 375-394.
 - 62 Там же. С. 375.
 - 63 Там же. С. 384 и след.
 - 64 Бартольд В. В. Церемония при дворе узбекских ханов в XIV веке // Соч. М., 1964. Т. 2, ч. 2. С. 388.
 - 65 Гаврилов М. Ф. Указ. соч. С. 3.
 - 66 Потапов Л. П. Древний быт, отражающий первобытнообщинный быт кочевников // Тюркологический сборник АН СССР. М., 1951. Т. 1. С. 712.
 - 67 Этому термину соответствует тадж. подшо (шо, ша), что значит "государь", "повелитель", "князь". В "мужских домах" за дастарханом названный персонаж именовался джурабоши (бобо, йигит-агаси, джур-агаси и пр.). При дворе бухарских эмиров термин чухра-агаси применялся по отношению к начальнику придворных пажей (см.: Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре // Сов. востоковедение. М.; Л., 1948. Т. 5. С. 150).
 - 68 Вазир - в Бухарском эмирате это первый министр. Данный термин пришел на смену термину инак, обозначавшему высший военный чин, следовавший после кошбеги, т.е. князя ханской ставки (Семенов А. А. Указ. соч. С. 137).
 - 69 В Бухаре существовала должность кази-аскера,

т.е. военного судьи (Семенов А. А. Указ. соч. С. 388).

70 Раис - в Средней Азии этот термин употреблялся для обозначения полицейской должности и соответствовал средневековому мухтасиб; раис, кроме того, был блюстителем нравственности.

71 Аталык (турк. "отцовство") - один из высших придворных чинов, опора эмира.

72 Накиб - в Бухарском ханстве это компетентное лицо в устройстве, снаряжении и расположении войск во время похода и войн. Он был осведомлен об авангарде и арьергарде, о правом и левом флангах, о центре и о месте засады (Семенов А. А. Указ. соч. С. 144).

73 Ясавул (ясаул) - в Бухаре наиболее приближенные к эмиру пажи. Во время пира ясаул занимал первое место, напротив высочайшего престола. В армии бухарских ханов ясаулы - палочки, назначение которых - ходить с палкой во время учения по фронту и выравнивать шеренги (ср. ясавул в ритуале туи салладор) или передовать приказания командира; см.: Аранда-ренко Г. А. Досуги в Туркестане (1874-1889 гг.). СПб., 1889. С. 555.

74 Дастурхончи, по-видимому, соответствовал боярину-дворецкому Московской Руси (Семенов А. А. Указ. соч. С. 149).

75 Бакавул - заведующий исправным состоянием государственной кухни (Семенов А. А. Указ. соч. С. 150).

76 Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 324.

77 Там же. С. 326.

78 Там же. С. 329.

79 Там же.

80 Андреев И. Л. Указ. соч. С. 21.

81 Там же. С. 23.

Ю. М. Ботяков

МЕСТО МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТА АЛАМАНА

Аламан (военный набег) как процесс регулярный завершается временем вхождения Туркмении в Российское государство. И хотя в дальнейшем аламаны имели место в практике туркменских племен, они не меняли общей тенденции - окончательного ухода военного набега с исторической сцены. Длительность существования аламана, массовость его позволяют говорить о том, что институт этот являлся одним из структурообразующих элементов в процессе социального развития туркменского общества. В силу вышесказанного изучение аламана дает возможность более рельефно выделить как социальные функции различных слоев туркменского общества, так и отдельные элементы общественных связей, значимость которых при рассмотрении с иных позиций ускользает от внимания.

Такое социальное явление, как аламан, уже при первом беглом знакомстве представляется далеко не однородным. Набег, санкционированный хивинским ханом или направляемый сердаром (военный вождь), влияние которого выходило за рамки племени, отличался от аламана во главе с батыром (богатырь, смельчак - здесь в значении "командир небольшого отряда"), слава которого не распространялась дальше родного оба (селения). Различались и сами задачи, стоявшие перед аламаном (аламаном назывался также военный отряд, совершавший набег). Неоднородный характер аламанов отразился и на их оценках в литературе. Так, А.Вамбери был одним из тех, кто видел